

УДК 94(516)

СТАРООБРЯДЦЫ В ЦАРСКОМ ТУРКЕСТАНЕ

П.П. Литвинов

Рассматриваются проблемы, связанные с появлением старообрядцев в Туркестане, спецификой их жизни и отношений с царскими властями в регионе.

Ключевые слова: старообрядцы; “раскол”; Туркестан; уральские казаки; Амударьинский отдел; царская власть.

OLD BELIEVERS IN TSARIST TURKESTAN

P.P. Litvinov

The problems connected with resettlement of old believers in Turkestan, specificity of their life and relationships with tsarist authorities in the region are considered.

Key words: old believers; “schism”; Turkestan; the Ural Cossacks; Amudaryan region; tsarist authority.

Появление первых старообрядцев в Русском Туркестане некоторые исследователи связывают со ссылкой сюда участников известного бунта 1874 г. в Уральском казачьем войске¹. Однако есть основания считать, что последователи “раскола” оказались в регионе раньше. Туркестанский епископ Софоний в своем первом отчете в Св. Синод о деятельности епархии в 1872 г. указывал на наличие в Семиреченской области 8 семейств старообрядцев “поморского согласия”, проживавших в станицах Саркандской и Софийской². В это же время в другой области Туркестанского края – Сыр-Дарьинской – насчитывалось 28 старообрядцев, принадлежность которых к какому-либо “согласию” осталась неизвестной³. Судя по документам, первые старообрядцы прибыли в Среднюю Азию вместе с православными переселенцами из Омской, Тобольской, Томской и др. сибирских губерний, откуда в первое время туркестанская администрация рекрутировала русский “колониационный элемент” для скорейшего освоения вновь присоединенных территорий.

¹ См. напр.: *Колемасова Н.Х.* Христианское сектанство в Узбекистане / Н.Х. Колемасова. Ташкент, 1986. С. 6.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 502. Л. 26.

³ *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край: опыт военно-статистического обозрения. Т. 1 / Л.Ф. Костенко. СПб., 1880. С. 421.

Однако быстрый и значительный рост числа старообрядцев в Русском Туркестане был действительно связан с волнениями 1874 г. в Уральском казачьем войске, которое состояло в основном из приверженцев “раскола”, принадлежавших к так называемому “Австрийскому священству”, ныне известному более, как “Белокриницкая иерархия”. После бунта 1874 г. Оренбургский генерал-губернатор Н. Крыжановский посоветовал военному министру Д.А. Милютину “удалить из пределов Уральской области наиболее упорных казаков, пользующихся влиянием между однообщественниками”⁴. Вначале правительство намеревалось выселить уральских бунтарей в Тургайскую область, или в Башкирию, но относительная близость их от зоны дислокации мятежного казачьего войска заставила отказаться от этой идеи и приискать для ссылки места подальше. В декабре 1874 г. Азиатская часть Главного штаба порекомендовала сослать уральских казаков в недавно образованный в Туркестанском крае Аму-Дарьинский отдел, располагавший значительными незаселенными пространствами и большой рекой, пригодной для занятия любимым промыслом казаков – рыболовством. Предлагалось выселить на Аму-Дарью только физически здоровых “смутьянов”, а престарелых и больных отправить на Иргиз и в Тургайские степи⁵. Правительство одобрило эту

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 389. С. 3, об.

⁵ Там же. Л. 12.

идею, а 19 апреля 1875 г. соответствующее представление военного министра было утверждено императором Александром II. В соответствии с принятыми решениями, ссыльные уральцы исключались из казачьего сословия с утратой всех льгот, ранее им причитавшихся, и должны были отправиться на р. Аму-Дарью в том же году и без семей. Предполагая, что все ссыльные в 1875 г. не смогут достичь конечного пункта следования, военный министр распорядился подготовить условия для их зимовки в городах Казалинске и Перовске, а также в форте Джулек. На проведение “ссыльной” операции правительство ассигновало 10 тыс. рублей.

Выселение уральских казаков-старообрядцев началось уже в конце мая 1875 г. До Казалинска их конвоировали солдаты 1-го, 2-го и 3-го Оренбургских линейных батальонов. По прибытии в город, их принимали на свое “попечение” военнослужащие специально подготовленных подразделений: 6-го Туркестанского и Самаркандского линейных батальонов, а также Каракольской и Пенджикентской местных команд (гарнизонов). Столь усиленная охрана свидетельствовала о том, что даже в это время правительство боялось бунта ссыльных казаков-старообрядцев. Англичанин Ф. Бэрнеби, встречавшийся с последними в Казалинске, так описывал их настроения: “Они много говорили о предстоящем тяжелом переходе к Хивинскому ханству, но главной темой их разговоров было все-таки то, что сам император не хотел наказывать их так жестоко, а повинны те, кто доложил ему об их требованиях в искаженном виде”¹. Бэрнеби свидетельствовал о том, что у них были большие надежды на помилование. Однако им не суждено было сбыться. К осени 1875 г. свыше 2 тыс. казаков-старообрядцев были размещены по фортам на р. Сыр-Дарье. До зимы туркестанские власти сумели переправить на р. Аму-Дарью около 200 уральцев. Зимовка их на новом месте была трудной. Исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский в письме начальнику Главного управления иррегулярных войск, генерал-лейтенанту А.П. Богуславскому указывал, что содержание казаков-старообрядцев на Аму-Дарье было “весьма строгим, а питание самым ограниченным”². Не лучше перезимовали казаки-старообрядцы, оставшиеся в Казалинске. Часть из них пыталась бежать домой, но безуспешно. Беглецов выловили и под усиленной охраной доставили в город, где подвергли тюремному заключению. Крыжановский предложил военному министру ужесточить режим содержания ссыль-

ных старообрядцев, заставив их работать путем создания из них так называемых “рабочих команд”. Он также рекомендовал подвергать цензуре письма казаков на Урал с тем, чтобы в них они не смогли подстрекать к повторному бунту своих тамошних единоверцев. Милютин представил соответствующий доклад царю, который был утвержден им в январе 1876 г.

Ужесточение режима содержания ссыльных старообрядцев имело негативные последствия. Весной 1876 г. взбунтовались ссыльнопоселенцы на Аму-Дарье. Документы скупо свидетельствуют о характере волнений, но они были, видимо, весьма серьезными, так как Ф. Бэрнеби, находившийся в то время в Петро-Александровске (центре Аму-Дарьинского отдела – П.Л.) писал, что “поскольку уральские старообрядцы были расквартированы в казармах форта, а офицеры жили на частных квартирах, то командование, из опасений возможной резни, в течение нескольких дней держало круглосуточную охрану у дома каждого из офицеров”³. Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман сурово наказал бунтарей. 88 казаков-старообрядцев были преданы военно-полевому суду, а 11 из них были приговорены к каторжным работам. Весть об аму-дарьинских событиях вызвала “детонацию” среди ссыльных казаков-старообрядцев в Казалинске. “Умиротворение” последних потребовало значительного напряжения сил и Кауфман, понимая, что силой проблему решить нельзя, предложил военному министру “раздробить” ссыльных старообрядцев на небольшие группы и расселить их по разным городам Средней Азии, создав там из них “рабочие команды”. Туркестанский генерал-губернатор рекомендовал разрешить переезд к ссыльным их семей, что, по его мнению, могло бы в значительной мере утихомирить последних. Милютину понравилась идея Кауфмана и в октябре 1876 г. он добился ее утверждения императором.

Кауфман быстро реализовал “Высочайшее” решение. Оставив в Казалинске 700 ссыльных старообрядцев, он расселил остальных, включая новоприбывших и ссыльных из Перовска и Джулека, по разным городам региона – в Аулие-Ате, Чимкенте, Туркестане, Самарканде, Коканде и др. Около 200 ссыльных старообрядцев он дополнительно направил на Аму-Дарью, истребовав при этом от правительства средства на строительство 162 домов для них и их семей. После того, как весной 1877 г. в Среднюю Азию стали прибывать семьи ссыльных казаков, началось прочное “оседание” старообрядцев в тех местах, куда направил их перст Кауфмана. Таким образом, география старообряд-

¹ Burnaby F. Ride to Khiva. Travel and adventures in Central Asia. London, Paris and New York, 1876. P. 176.

² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 94. Л. 7, об.

³ Burnaby F. Op. cit. P. 350.

чества в Средней Азии существенно расширилась, но основными его центрами остались Казалинск и Петро-Александровск, которых туркестанский статистик И. Гейер не без оснований называл “раскольничьими столицами Туркестанского края”¹. В 1877 г. Главный штаб направил Кауфману предписание, в соответствии с которым военные губернаторы областей Туркестанского края должны были ежегодно подавать сведения о количестве старообрядцев, числе их рождений, смертей, браков и т. п. Благодаря этим данным, мы имеем возможность судить о старообрядческой демографии в Русском Туркестане. В конце XIX в. в регионе насчитывалось: в Семиреченской области – 191 старообрядец; Ферганской – 53; Самаркандской – 310; Закаспийской – 497; Сыр-Дарьинской – около 5 тыс.² К началу 1917 г. старообрядцев проживало: в Семиреченской области – 480 чел.; Ферганской – 228; Самаркандской – 200; Закаспийской – 245; Сыр-Дарьинской – 8450 чел.³ Таким образом, за указанный период численность последователей “раскола” в Средней Азии выросла более чем в 1,5 раза. Преобладание численности старообрядцев в “головной” области Туркестанского края объяснялось тем, что основные центры скопления “раскольников” – прежде всего Казалинск и Аму-Дарьинский отдел – находились на ее территории. Из документов явствует, что рост старообрядческой общины в Русском Туркестане обуславливался не только “естественными” обстоятельствами, но и переездом сюда единоверцев из Сибири и поволжских губерний – Саратовской и Самарской.

Обустраивались старообрядцы в регионе по-разному. В Казалинске, где находилась самая крупная община, многие из них занялись рыболовством на р. Сыр-Дарье и Аральском море, обработкой рыбопродуктов и их продаж. Часть старообрядцев занималась торговлей, мелким предпринимательством, ремеслами, “отхожими” промыслами и т. п. То же было характерно и для “раскольников”, расселенных в Чимкенте, Аулие-Ате, Коканде и др. В Закаспийской области многие “староверы” работали в разных должностях на Закаспийской военной железной дороге. Были у них и другие занятия. В 1885 г. газета “Восточное обозрение” писала о том, что уральских казаков-старообрядцев можно было встретить в должности станционных старост, особенно по

Ташкентско-Теректинскому тракту⁴. В качестве наемных работников старообрядцы ценились высоко, так как отличались трудолюбием, дисциплиной, бережливостью и т. д., не приемля при этом алкоголя, табака, сквернословия и т. п. Земледелием занимались в основном старообрядцы Семиреченской области – преимущественно выходцы из Сибири и поволжских губерний. В местах совместного проживания с православными и представителями других христианских конфессий они держались обособленно, избегали лишних контактов и “смешанных” браков с ними, но не демонстрировали откровенной неприязни к “чужакам”. К царской администрации в регионе они относились сдержанно, но вполне лояльно и не отказывались от несения воинской повинности, хотя воспринимали ее без энтузиазма. Иное положение сложилось среди старообрядцев на Аму-Дарье. Обустройство их здесь заняло несколько лет. Только к началу 1880-х гг. закончилось расселение уральцев, которые заняли самые разные места речной долины и даже острова на Аму-Дарье. Жизнедеятельность ссыльнопоселенцев была тесно связана с этой рекой. Путешественник Е. Марков писал в связи с этим: “Везде они принялись за свое любимое привычное ремесло и скоро овладели местным рыболовством, в котором не может быть им соперника”⁵. Историки Советского Узбекистана приходили к выводу о том, что “уральцы, захватив в свои руки рыбные промыслы на Аму-Дарье, закабалили и разорили все окрестное население, опутав его долговыми обязательствами”⁶. На наш взгляд, это было явным преувеличением, причем не без скрытой националистической подоплеки, принявшей личину так называемого “классового подхода”. “Туркестанская справочная книга-календарь на 1885 год” свидетельствовала: “Экономическое положение рыбака-уральца было далеко не завидное. Рыбачили они большей частью в одиночку и продавали улов скупщикам”⁷. В роли скупщиков вначале пытались выступить вездесущие закаспийские армяне, но их быстро оттеснили разбогатевшие купцы-старообрядцы из Казалинска и Петро-Александровска. Выводы “Справочной книги” можно было бы подвергнуть сомнению, сославшись на то, что сведения, ею сообщаемые, относятся к начальному периоду жизни уральских старообрядцев на Аму-Дарье. Но положе-

⁴ Восточное обозрение. 1885. № 18. 2 мая.

⁵ Марков Е. Россия в Средней Азии: очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. 1 / Е. Марков. СПб., 1901. С. 35.

⁶ История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 350.

⁷ Туркестанская справочная книга-календарь на 1885 год. Ташкент, 1884. С. 83.

¹ Гейер И.И. Туркестан / И.И. Гейер. Ташкент, 1909. С. 314.

² Любимов П.П. Религии и вероисповедный состав населения Азиатской России / П.П. Любимов. Пг., 1914. С. 45.

³ Туркестанские епархиальные ведомости. 1917. № 13. 1 июня.

ние не улучшилось и в последующем. В начале XX в. Гейер подсчитал, что за весь сезон рыбак-старообрядец на Аму-Дарье мог заработать не более 10 руб., поскольку из 100 заработанных “целковых” он тратил на приобретение лицензии и снастей 92 руб. 72 коп. По его свидетельству, скупщики имели с каждого такого рыболова 167 руб. чистой прибыли¹. Положение никак не могло улучшиться потому, что с середины 1880-х гг., по распоряжению туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха, рыбаки-старообрядцы должны были ежегодно выкупать лицензии на право рыбной ловли, которые стоили недешево. “Староверы” старались всячески саботировать приобретение лицензий и продолжали бесплатный лов рыбы. Администрация пыталась силой принудить уральцев соблюдать новые правила – “браконьеры” облагались разорительными штрафами, у них конфисковывались рыболовные плавсредства и снасти. Дело доходило до открытых столкновений. Авторы “Истории Каракалпакской АССР” указывают, что в одном из них, “только применив оружие, полицейские смогли спастись бегством”². Дореволюционный исследователь А. Воейков усматривал в отказе старообрядцев выкупать лицензии религиозные мотивы: “Не платят потому, что уплата указала бы, что они подчиняются распоряжениям правительства, а они этого не хотят”³. Применительно к лицензионной проблеме довод этот вряд ли можно считать убедительным, однако отношения у аму-дарьинских старообрядцев с властями, действительно, были сложными. Даже в очень затруднительных обстоятельствах они отказывались от сотрудничества с последними. Начальник Аму-Дарьинского отдела, полковник В.В. Сусанин писал сырдарьинскому губернатору 25 августа 1892 г. о поведении старообрядцев во время холерной эпидемии: “Заболеваемость была большая. Нашей помощи не принимали буквально, лечились у своих знахарей”⁴. Даже угрозы властей запретить похороны умерших от холеры на старообрядческом кладбище не изменили их позиции. В 1897 г. амударьинские старообрядцы отказались избирать сельских старост, сославшись на то, что им не нужны представители государственной власти, которую они не признают. Один из чинов амударьинской администрации писал в связи с этим: “С уральцами борьба весьма затруднительна – люди эти не признают ни власти, ни закона”⁵.

¹ Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану / И.И. Гейер. Ташкент, 1901. С. 196.

² История Каракалпакской АССР. Ташкент, 1986. С. 156.

³ Воейков А.И. Очерки Туркестана / А.И. Воейков. СПб., 1913. С. 48.

⁴ Архив Государственного исторического музея (АГИМ). Ф. 307. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

⁵ История Каракалпакской АССР... С. 112.

В отличие от других, амударьинские старообрядцы долгое время оставались стойкими религиозными конформистами. Газета “Восточное обозрение” свидетельствовала: “В течение своего пребывания в туркестанском крае они не поступились ни йотой в своих взглядах и верованиях”⁶. А. Воейков писал в 1913 г., что “молодые казаки, возвращаясь со службы, где они курят, временно подвергаются епитимии, и только отказавшись от курения, допускаются к общению с семьей”⁷. Стойкость религиозных убеждений амударьинских старообрядцев объяснялась тем, что они жили изолированно, мало общаясь с прочим христианским населением, которого, впрочем, в Аму-Дарьинском отделе было немного. Их контакты с местным коренным населением были более тесными. Авторы “Истории Каракалпакской АССР” подчеркивают, что именно амударьинские старообрядцы приобщили местных жителей к активному занятию рыболовством, что способствовало улучшению его питания и общего материального положения⁸. Но со временем, однако, отношение амударьинских “староверов” к окружающей действительности становилось терпимее. Тот же А. Воейков писал о том, что они игнорируют многие распоряжения властей, однако “активного противодействия им не производят”⁹.

Отношение туркестанской администрации к старообрядческому населению края во многом зависело от личных настроений генерал-губернаторов. Кауфман последовательно сохранял установленный для уральских ссыльнопоселенцев жесткий режим, вплоть до постигшего его “удара” в 1881 г. Исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора Колпаковский, заняв должность, тут же вошел с ходатайством в военное министерство об ослаблении режима содержания ссыльных старообрядцев и разрешении им возвращения на родину на приемлемых для правительства условиях. Колпаковский подчеркивал деятельное участие уральских казаков в завоевании Средней Азии. 30 мая 1881 г. новый император Александр III разрешил уральским старообрядцам возвратиться на родину, однако при условии выдачи ими письменных расписок о признании Воинского устава 1874 г. Сообщая об этом Колпаковскому, военный министр подчеркнул, что смягчение режима для ссыльных старообрядцев “могло быть сделано властью местного начальства и не подлежит особому утверждению”¹⁰. Повсеместно до сведения “раскольников” было доведено решение царя о возможном возвращении на родину на выдвинутых им

⁶ Восточное обозрение. 1885. № 18. 2 мая.

⁷ Воейков А.И. Указ. соч. С. 48.

⁸ История Каракалпакской АССР. Ташкент, 1986. С. 112.

⁹ Воейков А.И. Указ. соч. С. 48.

¹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6934. Л. 99, об.

условиях. Но, к удивлению туркестанских властей, уральские старообрядцы в большинстве своем их не приняли. Лишь некоторые – в основном казалинцы – выдали требуемые расписки, “получили подъемные” в размере 50 руб. на семью и выехали на Урал. Поясняя причину отказа, один из “староверов” заявил: “Старики заказали – потому принять его (Воинский устав – П.Л.), все равно, что себя черту продать, от веры отказаться”¹. Преемник Кауфмана, туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев принял горячее участие в судьбе уральских казаков-старообрядцев². 22 декабря 1882 г. Черняев направил военному министру П.С. Ванновскому пространный рапорт, в котором описал сложное положение ссыльных старообрядцев и просил ходатайствовать перед императором о разрешении им вернуться на родину без унижительной процедуры письменного признания Воинского устава 1874 г. 12 марта 1883 г. Ванновский писал Черняеву о том, что по случаю коронации, царь разрешил уральским старообрядцам возвращаться на родину без письменных расписок, но при условии их “словесного согласия” с Воинским уставом 1874 г.³ 3 мая 1883 г., по случаю коронации, Александр III даровал российским старообрядцам некоторые религиозные свободы⁴. Однако новое царское решение и дарованные свободы не вызвали особого энтузиазма в среде туркестанских “староверов”. 23 сентября 1883 г. начальник Казалинского уезда писал новому сьрдарьинскому губернатору Н.И. Гродекову о том, что из 1058 старообрядцев, проживающих в уезде, только 360 согласились выехать на родину на условиях “словесного” признания Воинского устава 1874 г.⁵ Амударьинские старообрядцы категорически отвергли все правительственные условия. На посулы местных властей они неизменно отвечали: “Подайте нам Царскую

Грамоту – без нее мы не поверим”⁶. Таким образом, большинство уральских старообрядцев остались жить в Русском Туркестане. Есть основания полагать, что тому способствовали не только религиозные причины. За восемь лет пребывания в регионе большинство старообрядцев смогли неплохо приспособиться к местным условиям, умело использовать их преимущества в своей хозяйственной жизни и деятельности. К тому же, со временем связи с родиной слабели, как и память о ней, а потому все меньше оказывалось желающих возвращаться к условиям жесткой дисциплины казачьего войска. Свобода хозяйственной жизни в Туркестанском крае казалась им предпочтительнее, а надзор со стороны местных властей, зачастую сугубо формальный, им мало мешал.

Безусловно, отношения царизма со старообрядчеством за 250 лет “раскола” были разными, но они эволюционировали от открытых жестоких гонений до форм терпимого и позитивного сотрудничества. С разрешения властей “староверы” могли расселяться по всей территории Российской империи, в том числе и в Русском Туркестане.

Мы считаем, что наказание уральских казаков-старообрядцев не имело вероисповедной подоплеки. В силу своих религиозных убеждений, они отказались признать Закон – Устав о воинской повинности 1874 г., устроив бунт по этому поводу, а потому были наказаны царизмом не за свои убеждения, а как государственные преступники, презревшие обязательный для всех акт права. За такое поведение царизм наказывал людей более сурово, нежели “уральцев”. Это свидетельствует о том, что царизм учел прежние заслуги Уральского казачьего войска перед Отечеством, в том числе и в деле присоединения Средней Азии к России. Думается, что в данном случае сыграло свою роль и то обстоятельство, что в последней трети XIX – начале XX в. царизм шел по пути либерализации отношения к старообрядчеству, что выразилось в ряде царских указов и циркуляров МВД. Однако это уже требует отдельного и подробного исследования.

⁶ *Воейков А.И.* Указ. соч. С. 47.

¹ Восточное обозрение. 1885. № 18. 2 мая.

² *Михайлов А.* Михаил Григорьевич Черняев / А. Михайлов. СПб., 1906. С. 52.

³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 129. Л. 7, об.

⁴ См.: ПСЗРИ-3. Т. 3. СПб., 1886. № 1545. С. 219–220 (приложения к тому).

⁵ ЦГА Каз. Ф. 267. Д. 250. Л. 74, 98.